

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

<Письма К. П. Победоносцеву>

<Фрагменты>

<...>

984

Любезный Константин Петрович.

Мне хочется начать снова с Вами мои занятия. Предлагаю Вам следующие часы и дни: в *понедельник* от $\frac{1}{2}10$ – $\frac{1}{2}11$, во *вторник* от $\frac{1}{2}12$ – $\frac{1}{2}1$ и в *субботу* от $\frac{1}{2}12$ – $\frac{1}{2}1$. Удобны ли Вам эти часы; если нет, то прошу Вас написать мне, когда Вам удобнее. Во всяком случае, если Вы согласны на эти часы, то напишите мне, что хорошо: я должен и других преподавателей уведомить. Сегодня еще я не могу начать, потому что буду провожать пр. Датского. — Итак, до свидания в субботу.

Искренно любящий Вас

Александр.

Петербург, 1866 г.

22 ноября.

985

Цесаревич Александр.

26 ноября 1866.

Любезный Константин Петрович.

Я совершенно забыл, что сегодня будет выход по случаю георгиевского праздника¹, и поэтому, к несчастью, должен пропустить с Вами сегодняшнюю лекцию. Итак, до понедельника, и надеюсь, что в этот раз ничего не помешает. Только что вернулся с несноснейшего бала и пишу Вам в $\frac{1}{2}4$ ночи.

Искренно любящий Вас

Александр.

<...>

992

Царское Село.
1869 года 3 июня.

От души благодарю Вас, любезный Константин Петрович, за Ваше милое и доброе письмо, которое меня тронуло. Жена поручила мне Вас тоже очень благодарить за поздравление и за отвезенное Вами письмо к ее сестре. Слава Богу, у нас все обошлось так благополучно, как только можно было желать, и жена поправляется быстро и совершенно хорошо себя чувствует, так что завтра, я надеюсь, она даже встанет на несколько часов. Маленький Александр большой и здоровый ребенок и тоже совершенно здоров².

В понедельник 9-го числа, надеемся, будут крестины, после чего государь и императрица отправляются в Ильинское³, где императрица хочет пробыть до 15 июля, а государь только 10 дней. Погода у нас, наконец, поправилась, и теперь чудо как хорошо и тепло, но я почти что не пользуюсь ей, потому что все время остаюсь у жены и гуляю только в своем садике раз в день. Я Вам завидую сильно, — быть на берегу моря, купаться и наслаждаться тишиной и уединением, чего здесь в Царском не найдешь.

Жена очень интересуется, как понравилась Вам ее сестра, принцесса Валлийская, и как Вы познакомились с ней. Видели ли Вы ее детей и самого принца?

Сегодня был у меня И. К. Бабст, и мы с ним говорили о путешествии, и он согласен ехать с нами до Ростова⁴; он очень занят своим банком, и, правда, у него достаточно работы.

Владимир теперь уже в лагере и командует Преображенским полком, а Алексей отправляется туда 15 июня⁵.

Мы еще окончательно не решили наш отъезд, но предполагаем выехать из Царского около 10 июля, на днях все должно решиться окончательно.

Козлова я отправил в Копенгаген с счастливым известием и с письмами к королю и королеве и жду его скоро обратно сюда.

Еще раз благодарю Вас, добрейший Константин Петрович, за Ваше милое письмо и память. Эти оба дня рождений моих двух сыновей я никогда не забуду и постоянно благодарю и буду благодарить Господа за эту его милость к нам, которая, конечно, есть высшая из всех. Рождение детей есть самая радостная минута жизни, и описать ее невозможно, потому что это совершенно особое чувство, которое не похоже ни на какое другое.

Мой искренний поклон Вашей супруге.

Любящий и уважающий Вас
Александр.
До свидания.

993

Любезный Константин Петрович.

У нас завтра генеральная репетиция нашего домашнего театра. Жена поручила мне пригласить Вас и Вашу супругу на эту репетицию, если Вы желаете и свободны.

Дамы будут в обыкновенных утренних платьях, а мужчины как хотят.

До свидания.

Любящий и уважающий Вас

Александр.

15 февраля.

<...>

1015

Ливадия, 1876 г.

23 октября.

Благодарю Вас, добрейший Константин Петрович, за Ваши письма; последнее получил сегодня утром. Я Вам очень, очень благодарен за них, и что мне сделало удовольствие, это, что мы сходимся во многом с вашим взглядом на теперешние события. Об многом до получения Вашего первого письма я говорил с императрицей, и тоже меня постоянно мучило, что государь в настоящую минуту не в Петербурге, а так далеко на окраине, и еще татарской, и в двух шагах от турецкой границы⁶.

Да, бывали здесь тяжелые минуты нерешительности и неизвестности, и просто отчаяние брало. Более ненормального положения быть не может, как теперь; все министры в Петербурге и ничего не знают, а здесь все вертится на двух министрах: Горчакове и Милютине. Канцлер состарился и решительно действовать не умеет, а Милютин, конечно, желал бы избежать войны, потому что чувствует, что многое прорвется наружу.

К счастью, когда я приехал сюда, то застал Игнатьева, который раскрыл глаза всем и так их пичкал, что, наконец, пришли к какому-нибудь плану действий, и он уяснил свое собственное положение перед возвращением в Константинополь и получил положительные инструкции, как действовать, а то хотели его послать к его посту без ничего, а Горчаков только и желал скорее выгнать его из Ливадии.

Как я ни старался убедить императрицу возвратиться в Петербург, ничего не помогло, даже А. В. Адлерберг и тот понял, до чего неприлично оставаться здесь, и тоже просил императрицу переговорить об этом с государем; она тоже разделяла наше мнение, но не решалась говорить, так как для здоровья государя, чем более

он остается в теплом климате, тем лучше, и на этом, конечно, все и останавливалось.

Государь сам полагает, что без войны мы ничего не добьемся, и решил на войну, и желал бы как можно скорее развязки, но как ее добиться, вот в чем вопрос, потому что дипломатия так все запутала, что без положительного повода войну нельзя объявить Турции. Думали заставить ее отказать нам в 2-дневном сроке, чтобы заключить перемирие и окончить совершенно военные действия, она немедленно согласилась, что Вы могли видеть из телеграмм в «Правит. Вест.», и так опять предлог объявить войну не удался, а теперь не знаем, за что взяться.

Как Вам, вероятно, известно, мы решились наконец ехать отсюда во вторник, 26 окт., и проездом остановиться в Москве дня на 3, и там будет объявлена мобилизация войска, чтобы не терять времени и быть готовыми на всякие случайности.

Как-то пройдет нынешняя зима? Что принесет она? Столько времени потеряно напрасно, вот что грустно.

Сегодня был у меня Беклемишев и привез Вашу записку. Много о чем хотелось бы переговорить, да в письме неловко.

Я вполне разделяю Ваше мнение о том, что пора было бы правительству взять в свои руки все славянские комитеты, жертвования и все это народное движение, а не то Бог знает что из этого выйдет и чем оно может кончиться.

Я воображаю, что за сумятица в Петербурге да и вообще во всей России из-за того, что ничего неизвестно и все так неопределенно, когда даже здесь, откуда исходят все приказания и решения, бывают дни, когда никто ничего не понимает и не знает. Да, признаться надо, я буду очень счастлив, когда, наконец, мы будем на месте и когда узнаем, что окончательно нас ожидает.

Собственно про Крым мне писать нечего. Вы знаете, что я его не особенно жалую, а уж нынешний год в особенности, а вдобавок погода весь октябрь месяц была отвратительная, и почти постоянно дожди и туман и солнце редко видать. Я опять поймал лихорадку на 2-й день моего приезда и до сих пор не могу отделаться от нее. Все это вместе делает наше пребывание здесь весьма печальным и не отрадным.

Простите мне, Константин Петрович, за это нескладное письмо, но оно служит отражением моего нескладного ума от всех теперешних событий, беспокойств, неопределенности и постоянного напряженного состояния.

Еще раз благодарю Вас, добрейший Константин Петрович, от всей души за Ваши письма, которые я с большим удовольствием читаю и рад их получать. Мой усердный поклон Вашей супруге. Жму Вам крепко руку.

Искренно любящий и уважающий Вас
Александр.

<...>

1025

Я желал бы очень Вас видеть, когда Вам возможно будет приехать сюда, чтобы переговорить и передать Вам мои мысли по поводу судов Добровольного флота⁷.

А.

<...>

1031

8 ноября 1878 г.

Ц. С.

Очень рад, что военное министерство хорошо расположено к нашим судам и что Анненков хлопочет за нас.

Я воображаю, как Черноморское общество⁸ бесится на наши пароходы; тем лучше.

Посмотрим, какой ответ получим от генер.-адмир⁹. на нашу записку.

А.

1032

24 ноября 1878 г.

Действительно, чертежи очень хороши. Интересно знать, что говорят специалисты про эти чертежи?

Я все-таки рассчитываю на днях собраться у меня, но, может быть, не раньше будущей недели, так как теперь вечера провожу с женой, так как почти весь день провожу вне дома.

А.

<...>

1036

15 декабря 1878 г.

Благодарите, пожалуйста, от меня адмирала Завойко за его пожертвование.

Радуюсь, что, наконец, «Нижний Новгород» будет скоро готов, но надо признаться, что мы сделали большой промах, отдав все исправления по механизму этому поганому Черноморскому обществу. <...>

А.

<...>

1040

20 января 1879 г.

Прочел эти бумаги с интересом.

Что Вы мне писали о просьбе Римского-Корсакова, я уже имел в виду и обещал им, через В. В. Зиновьева, приехать на один из концертов.

Это правда, я давно у них не был на концертах, но постоянно что-нибудь мешало, и потом они давали концерты в зале думы, где весьма неудобно сидеть.

А.

<...>

1052

Его высокопревосходительству
Константину Петровичу Победоносцеву.

От А. А.

Нельзя ли будет собрать наш Добровольного флота комитет завтра вечером у меня? Потом я уеду в Петергоф, и трудно будет назначить время.

Я хотел бы знать, что Вы предполагаете делать в этом последнем заседании? Не лучше ли просто пригласить ко мне всех членов и поблагодарить их за труды, впрочем, я не прочь и от комитета.

Дайте мне, пожалуйста, знать, можно ли собрать комитет завтра в 9 ч. вечера.

А.

<...>

1056

Бернсторф, 11/23 сентября.
1879 г.

Благодарю Вас, любезный Константин Петрович, за Ваши два последних письма.

<...>

Я очень сожалею, что морское министерство отсылает от нас офицеров и команды, это весьма грустно и неприятно.

Решительно не понимаю их расчета, так как у них постоянно остаются на берегу лишние люди, которые ничего морского и не видят во всю свою службу. С подобным бестолковым и неприязненным министерством ничего не поделаешь. Лесовский — старый колпак¹⁰, а генер.-адмир. делает, что ему другие вбивают в голову. Просто злость берет иметь дело с подобными людьми.

Получивши Ваше последнее письмо от 4 сентября только вчера, я уже не мог писать в. к. Михаилу Николаевичу, а прямо ему телеграфировал насчет перевозки войск на «России». — Сегодня получил следующий ответ от наместника¹¹: «Malheureusement contrat avec société navigation Mere Noire déjà signè leur prix étant plus avantageux que ceux de Rossia»¹². Вот как обделывают свои дела люди честные! — Ищите после этого правды?!!! Просто противно, как надувают бедного Михаила Николаевича!

Но довольно о делах, а то слишком портишь себе кровь.

Погода стоит у нас очень приятная, бывают чудные дни, и воздух летний. — Гуляем много пешком, катаемся в море на яхтах и вообще ведем довольно спокойную жизнь.

Итак, до свидания, любезный Константин Петрович, крепко жму Вам руку.

Ваш Александр.

<...>

1062

Константину Петровичу Победоносцеву.

От А. А.

Любезный Константин Петрович, пожалуйста, заезжайте ко мне сегодня в 2½ часа. Мне хотелось бы с Вами переговорить об нашей крейсерской комиссии перед тем, чтобы принять остальных членов, которым я назначил быть ко мне завтра в 2 часа.

А.

<...>

1072

6 марта 1880 г.

Аничков дворец.

Я уже отправил к государю нашу записку и при первом случае в присутствии Милютина переговорю с государем и узнаю его взгляд на эти предположения.

Только бы удалось приостановить постройку этих поганых броненосцев, если действительно морское министерство собирается их снова строить.¹³

Надо будет поговорить с Милютиным о подводной лодке; не понимаю, за чем дело стало.

Я смотрел рисунки флага и обмундирования и одобряю совершенно.

А.

<...>

1078

Гапсаль¹⁴. 1880 г.
10 июля.

Любезный Константин Петрович, посылаю Вам письмо и чертежи, полученные мною от г-на Tames Long из Лондона с предложением купить для Добровольного флота два парохода. Я вовсе не знаю г-на Long и не знаю даже, кто он такой; посылаю Вам все это для того, что нужно будет ему отвечать от общества.

Мы снова в милом и тихом Гапсале, где положительно можно свободно вздохнуть после петербургской суеты и тамошней моей жизни.

Меня весьма обрадовало назначение Бунге товарищем мин. финансов, лишь бы это принесло положительно пользу и Грейг не слишком самодурствовал бы. Жду с нетерпением известий о нашем крейсере «Ярославль», как он удался и какой ход развила машина. Очень жаль, что не увижу его в нынешнем году, так как вряд ли попаду в Ливадию, потому что государь желает, чтобы я остался в Петербурге во время его отсутствия, и все текущие дела должны снова идти ко мне.

У нас гостил три дня кн. Суворов, который приехал из Ревеля, где живет его сестра.

Нового в Гапсале ничего нет, мы много гуляем, катаемся и читаем и проводим время по-дачному. Дети процветают и старшие купаются в море; я еще должен продолжать теплые ванны с грязью, так что в море еще не начинал купаться.

Желаю Вам приятно и благополучно совершить Ваши поездки по России.

До свидания, любезный Константин Петрович, жму Вам крепко руку.

Если будет что интересного, пожалуйста, пишите.

Ваш Александр.

1079

Петергоф, 1880 г.
20 августа.

Я прочел с большим интересом и удовольствием письма Валицкого и радуюсь, что «Ярославль» удался, а еще более, что мне удастся видеть этот крейсер, и очень надеюсь на нем поплавать и из Севастополя перейти в Ялту. Я полагаю, что это будет в начале октября.

Радуюсь тоже благополучному приходу «России» во Владивосток. Да, жаль, что морское министерство не желает обращать внимание на хорошие суда, а исключительно занялось погаными поповками и сорит на них русские миллионы десятками.

Теперь отправляется в плавание на новой «Ливадии»¹⁵ генерал-адмирал, и если это плавание будет удачно, то, конечно, вопрос о поповках будет окончательно решен и бесповоротно. Дай Бог, чтобы плавание было неблагополучно. Я думаю, многие так же желают и ждут с нетерпением.

<...>

Погода — просто прелесть, и мы наслаждаемся ею в милой Александрии, но все же это не то, что тихий и скромный Гапсаль.

Ваш от души Александр.

<...>

1082

27 сентября 1880 г.

Петергоф.

Я очень буду рад, если Вы поедете с нами в поезде до Севастополя, места у нас довольно, и никакого стеснения нет. С большим нетерпением жду увидеть «Ярославль» и радуюсь, что можно будет на нем пройтись.

<...>

Что-то ничего не слышно про яхту «Ливадия», а интересно знать, что с ней?

Вы мне говорили про записку, составленную Барановым, о нашем Добровольном флоте, где она и передал ли Вам он ее?¹⁶

Вчера Бунге привез мне свою записку, составленную по приказанию государя; записка весьма интересная и много дельного, но какой ход дадут теперь этой записке и как посмотрит на нее сам Грейг?

До свидания.

Ваш Александр.

1083

Петергоф, 1880 г.

30 сентября.

Весьма грустное и тяжелое впечатление сделала на меня эта записка Баранова, но я не отчаиваюсь, и надо во что бы то ни стало добиться субсидии правительства для поддержания Добровольного флота. Если же правительство не найдет возможным дать субсидию или найдет бесполезным существование этого общества, то, мне кажется, ни в каком случае не отдавать даром суда общества морскому министерству. Если же морское министерство не пожелает купить суда общества, то продать их частным лицам, а вырученный

за продажу капитал употребить на народные нужды или хранить его на случай войны и покупки новых крейсеров.

Во всяком случае попробуем добиться правительственной субсидии, и только если решительно ничего мы не добьемся, тогда приступить к продаже судов и прекращению существования Добровольного общества; как бы это тяжело и грустно ни было, но другого исхода положительно нет.

Вот мой взгляд на это дело; не знаю, разделяете ли Вы мои мысли, или у Вас есть другое предложение.

Я просил вчера графа Лориса-Меликова передать сенаторам, что я могу принять их в четверг, 2 числа, в 12 часов в Петергофе.

Ваш Александр.

